

Михайлова Вера Тарасовна

кандидат исторических наук,
заведующий филиалом музея истории г. Иркутска
dom-hors@mail.ru

ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности распространения христианства среди бурят в конце XIX – начале XX в., не затронутые ранее в отечественной истории культуры и религии. В соперничестве с буддизмом и шаманизмом православные риторы использовали образы «чужих». Дихотомия «свой – чужой» выстраивалась на специфических этических принципах православной идеологии, где «чужой» мог стать «своим».

Ключевые слова:

миссионерство, содержание текстов нравоучительных бесед, «чужие» буддисты и шаманисты, соперничество конфессий, риторические приемы, трансформации в этнической культуре.

Mikhaylova Vera Tarasovna

PhD in History,
Chief of the Department at Irkutsk History Museum
dom-hors@mail.ru

IMAGES OF OUTSIDERS IN THE CONTEXT OF CHRISTIANIZATION

Summary:

The article deals with features of Christianity dissemination among Buryats in the late 19th – early 20th centuries, which were not touched upon earlier in the national history of culture and religion. Competing with Buddhism and shamanism the Orthodox preachers used images of outsiders. Dichotomy “outsider – insider” was based on the specific ethic principles of the Orthodox ideology, where outsiders could become insiders.

Keywords:

missionary work, content of edifying conversations texts, outside Buddhists and shamanists, competition of confessions, rhetorical techniques, transformations in ethnic culture.

Период модернизации официального православного богословия начался в 1860–1870-е гг., с началом великих российских реформ. «Интенсивность социального служения стала главным мерилем уровня духовной жизни, – отмечает Л.Е. Шапошников, – возникли схоластические споры о новом, старом и вечном, причем вечное может развиваться в новые формы» [1, с. 92].

Для развития церковного языка нужны сотни лет, «для человека нужны объяснение и доказательство догматов», поскольку они обусловлены «умственными средствами, какими располагает данное время и данная личность» [2, с. 35]. Богословие не только не исключает, но и предполагает «возможность непрерывного углубления в постижение религиозной истины, освещение истины с новых сторон, согласование ее с кругом современных понятий и идей», – писал в 1910 г. И.П. Николин [3, с. 53]. Как справедливо отмечает Л.Е. Шапошников, «итогом богословских исканий крупнейшего русского богослова М. Тареева является вывод, согласно которому «мистический христианский опыт... не может быть рационализирован... он есть... тайна, откровение, нечто данное» [4, с. 61]. Методы постижения христианства, которые использовались в практике миссионерского дела в Восточной Сибири, перечислены в аналитических статьях Православного миссионерского общества (г. Москва), публикациях миссионеров с мест.

Религиозная революция не имела опорной базы достаточного совместного проживания этносов и культур, прежде чем произойти в сознании. Здесь нужен также долгий путь дискуссий, диалогов, размышлений, причем не только в индивидуальном, но и в коллективном опыте представителей разных религиозных традиций. Особое внимание привлекают тексты христианских проповедей о преимуществах христианства, книги православного содержания, изданные специально для бурят, в период с 1860-х до событий 1905–1907 гг. Русская православная идеология создала семантическую конструкцию «свой» – «чужой», где «своим» было русское православие, «чужими» – инакомыслящие. «Чужие» должны были восприниматься как не совсем свои, но могущие стать таковыми. Возникшие образы «своих» и «чужих» получили словесные определения, зафиксированные в публикациях тех лет.

Приобщение к христианству сопровождалось развитием особого рода коммуникаций. Миссионеры воздействовали, в первую очередь, таким орудием, как слово. Словесные формулы, призывы, установки, устные и письменные, были разработаны в недрах Синода еще в XVII в., изучались в семинариях на миссионерских факультетах. Часто встречающиеся формулы явно выделяются наличием большого объема негативной лексики по отношению к язычникам («негатив»). Другие части – отношением к неофитам, не знающим элементарных принципов бытия взрослых («к неразумным детям»). Третья часть – тексты сопереживания и более современного, рационального подхода к смыслу принятия христианства («причины и следствия»), а также вполне нейтральные по отношению к язычникам определения. «Нега-

тив» – традиционная установка на «поношение» языческих религий, приведение доказательств тождественности Дьявола и идолов буддизма и шаманизма. Оскорбление язычества было характерно для проповедей XVII в., гневные филиппики и грубые сравнения в адрес инакомыслящих должны были в яркой форме, эмоционально и образно клеймить «чужих». Практика показывала очевидную зависимость от лингвистической составляющей христианского служения. Таким образом, в реальной миссионерской практике очевидно усматривался практицизм, намечались тенденции к разрыву православных традиций, уклонение в протестантизм с его активно продвигавшейся теорией социального служения.

Смысл праздника Пасхи рассматривается с точки зрения смысла жизни и смерти. Вениамин, архиепископ Иркутский, в «Огласительном поучении готовящимся ко крещению язычникам» (Иркутск, 1890), обращался к язычникам-бурятам как к начинающим новую, истинную жизнь, используя традиционные риторические приемы. Ламские бурханы и шаманские **онгоны** <предметы культа> – идолы, а кто идолам молится, тот предаёт себя Дьяволу. Акт крещения символически смыкает все прошлые грехи человека, очищает его сознание для новой духовности.

В 1902 г. Православное миссионерское общество официально публикует мнение о том, что «понятия о вере и жизни христианской» [3, с. 23] в среде инородцев приживаются с огромным трудом. Миссионеры месяцами разъезжают по улусам с опасностью для здоровья и жизни. Среди причин, мешающих распространению православия, назывались также: 1. «Умственная неразвитость бурят и тунгусов, которые выше своих животных потребностей, ничем не интересуются». 2. Увеличение количества налогов для крещеных. 3. Выходцы из Монголии – «гыганы и хубилганы» поддерживают у бурят «тяготение к Урге и Тибету». 4. Бедность миссионерских храмов в сравнении с буддистскими. 5. «Насмешки» со стороны сородичей над крещеными. 6. «Ламская» медицина служит могущественным орудием поддержки «ламайской» веры. 7. Влияние некрещеных родовых старейшин, богатых «язычников» [6, с. 41–43]. Миссионеры признавались, что буддийские ламы «объявили себя равными во всем православному духовенству» [7, с. 42]. Тезис о первенствующей в государстве религии – православии – настойчиво опровергался событиями, повернувшими вектор инноваций в религиозной культуре бурят в сторону буддизма.

Земледелие как символ привязанности православного крестьянина к корням, к матери-земле, дающей хлеб насущный, не стало для крещеных бурят знаковым символом приобщения к христианству. Бурятское население имело свои традиции питания, отличавшиеся от питания русских крестьян. Религия и хозяйственные занятия, завязанные друг с другом, определяли формы быта, индивидуальный практический жизненный опыт вращался как часть структуры культурного и языкового пространства.

Определение «инородцы» произошло от двух слов – «иной», или «чужой», и «род», «родиться». Тот, кто родился «чужим», стал таковым по причине, не зависящей от него самого. Человек, как известно, не выбирает ни места своего рождения, ни родителей, ни расовой и этнической принадлежности. Рожденный иным, но не чужестранец; иной по рождению, как данность, – смысл этого определения. Инородческие образ жизни, привычки, одежда, еда были порождением природы и культуры. «Чужие» могли стать «своими» в новом духовном обличье, и такую возможность давало христианство, провозглашавшее единство всех перед Богом.

Теоретическая модель христианства возможности унификации человеческих сообществ в духовном измерении необычайно продуктивна и наполнена динамикой изменений, это фундамент миссионерской идеи. Духовное единство, но не критерий религиозности объединяет людей. Свобода постижения божественного откровения проявляется не в форме обрядности, мнимой воцерквленности, а в работе души, ее психическом содержании, наполнении, рефлексии окружающего пространства.

Актуализация моральных принципов миссионерской деятельности в пореформенный период не акцентировались, в то время как новое пространство социума, изменившиеся взаимоотношения между индивидами и группами требовали инновационного поведения и институционально оформленных характеристик модели поведения. Игра с негативными определениями, клеймением язычества не дала нужных результатов, она явно отражала мышление православной ортодоксии XVII в.

Ссылки:

1. Шапошников Л.Е. Консерватизм, новаторство и модернизм в православной мысли XIX–XX вв. Н. Новгород, 1999.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Состоящее под августейшим покровительством Государыни Императрицы Всероссийское Православное миссионерское общество в 1901 г. М., 1902.
6. Там же.
7. Там же.

References (transliterated):

1. Shaposhnikov L.E. Konservatizm, novatorstvo i modernizm v pravoslavnoy mysli XIX–XX vv. N. Novgorod, 1999.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Sostoyashchee pod avgusteyschim pokrovitel'stvom Gosudaryni Imperatritsy Vserossiyskoe Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo v 1901 g. M., 1902.
6. Ibid.
7. Ibid.